

УДК 316.32

И. Ф. Кефели

«ЗАРОЖДЕНИЕ ЕВРАЗИЙСТВА КАК ИДЕЙНОГО ДВИЖЕНИЯ»

I. F. Kefeli

“THE EMERGENCE OF EURASIANISM AS AN IDEOLOGICAL MOVEMENT”

Аннотация

На фоне анализа эволюции евразийского учения утверждается ключевая роль выпускника Петроградского политехнического института П. Н. Савицкого не только в обосновании идеологии евразийства, но и в создании евразийской геополитики, предполагающей необходимость синтеза естественных и гуманитарных наук. Сегодня евразийская геополитика обретает актуальность в связи с необходимостью решения множества проблем при построении Евразийского союза.

Ключевые слова

ЕВРАЗИЙСТВО, П. Н. САВИЦКИЙ, ЕВРАЗИЙСКАЯ ГЕОПОЛИТИКА, ЕВРАЗИЙСКИЙ СОЮЗ, СИНТЕЗ НАУК.

Abstract

The key role of the graduate of Petrogradsky politechnical institute Peter N. Savitsky is confirmed. His contribution wasn't just the validation of Eurasian ideology, but also the creation of Eurasian geopolitics. He assumed the necessity of the synthesis of natural and humanitarian sciences. Nowadays the Eurasian geopolitics is highly important because of necessity to solve many problems connected with the Eurasian Union formation.

Keywords

EURASIANISM, PETER N. SAVITSKY, EURASIAN GEOPOLITICS, EURASIAN UNION, SYNTHESIS OF SCIENCES.

*Евразийство есть идейное движение,
возникшее около 1921 года.*

П. Н. Савицкий

Слова, вынесенные в заголовок, принадлежат замечательному русскому ученому, выпускнику экономического отделения Петроградского политехнического института 1917 года Петру Николаевичу Савицкому, который явился одним из основателей евразийского учения в среде творческой интеллигенции, эмигрировавшей на исходе Гражданской войны за пределы молодой Советской республики. Евразийство отнюдь нельзя рассматривать как некий историософский реликт, ограниченный временными рамками существования собственно евразийского движения в 20–30-х годах XX века. Евразийство имело и предысторию, оно же, претендуя на статус идеологической парадигмы, обретает новую жизнь в настоящее время.

Не детализируя исторические подробности, упомянем лишь Владимира Ивановича Ламанского, который, отталкиваясь от принципа географического детерминизма, делал далеко идущие выводы о социально-политическом единстве России на евразийском континенте. Свою работу «Три мира Азийско-Европейского материка» он начинает вроде бы с простого заявления: «Европа есть собственно полуостров Азии, и потому она с последней составляет одно целое, одну часть света, которая по всей справедливости может носить еще название Азийско-Европейского материка» [1, с. 183]. Ламанский, учитывая антропологические особенности, состав населения и историко-культурные особенности этого материка, выделял

три его части: 1) западную, т. е. романо-германскую (католически-протестантскую) Европу, 2) собственно Азию и 3) «средний мир». Относительно этого «среднего мира» Ламанский отмечал следующее: «Вступая в пределы этого среднего мира из Азии, мы должны сказать, что тут Азия кончается, но Европа еще не начинается; точно так же вступая в него из Европы, мы вправе сказать: здесь кончается Европа и еще не начинается Азия» [1, с. 185–186]. Это сугубо геополитическое суждение автор дополняет утверждением цивилизационного порядка, которое выражает его славянофильские убеждения: «Если есть Азия *русская*, если она в отличие от собственной, нерусской, Азии должна быть относима к особому историко-культурному типу, то это единственно потому, что при русской Азии, или Азиатской России, есть еще русская Европа, или Россия Европейская...» [Там же. С. 199–200]. «Не отождествляя и не сливая с Россией прилежащих к ней земель славянских и православных, — завершает ход своих рассуждений Ламанский, — мы не можем, однако, с точки зрения этнологической и историко-культурной, даже политической, не причислять их к одному с ней разряду или миру и должны отделять их и от мира собственно азиатского и от мира собственно европейского. От первого он отличается, подобно России и собственно Европе, своей христианскою культурой. От Европы значительная часть их отличается принадлежностью своей не к западному, а к восточному христианству» [Там же. С. 206].

В связи с упоминанием этих суждений В.И. Ламанского следует подчеркнуть, что при всей условности выделения геополитических воззрений как самостоятельного направления в отечественной науке (исторической, географической, военной) его представители на протяжении XIX–XX веков выражали эти воззрения в рамках целостной мировоззренческой парадигмы. Изначально она была достаточно остро сформулирована П.Я. Чаадаевым в «Философических письмах» и «Апологии сумасшедшего»: мы не принадлежим ни к Западу, ни к Востоку, и у нас нет традиций ни того, ни другого. Н.Я. Данилевский рассматривал эту парадигму как неперемное условие цивилизационно-культурного многообразия, при котором славянский культурно-исторический тип являет собой полный четырехосновной (т. е. объеди-

няющий религиозную, культурную, политическую и общественно-экономическую деятельность) тип. Геополитический характер обретает суждение Ф.И. Тютчева (как дипломата) о перерастании «России-1» (Россия в границах империи) в «Россию-2» (Россия включает народы Восточной Европы) и далее — в «Россию-3», т. е. «Россию будущую», охватывающую весь евроазиатский континент (за исключением Китая).

Евразийство, как типичное проявление русской культуры, имело свои истоки и своих предшественников в отечественной науке, военном искусстве, но основной сферой, где происходила кристаллизация его, евразийства, мировоззренческих и теоретических принципов, оставалась философия истории. Точнее, тот ее раздел, в котором утверждалась доктрина многонаправленности исторического процесса и равного права на существование различных цивилизаций (культурно-исторических типов, по Данилевскому). Прогресс в истории понимался как реализация возможностей, присущих различным культурно-историческим типам, о чем в развернутом виде писал Н.Я. Данилевский в работе «Россия и Европа». Почти одновременно с ним В.И. Ламанский вплотную подходит к обоснованию концепции «Россия-Евразия», которая получила творческое развитие в евразийстве. В 1871 году Ламанский защитил докторскую диссертацию на тему «Об историческом изучении греко-славянского мира в Европе», где сделал ряд ценных замечаний, позволяющих разобраться в смысловых и терминологических тонкостях. «Деление христианско-арийского мира на восточный и западный, греко-славянский и романо-германский, — отмечал автор, — основано на строгом различии их внутренних, существенных признаков, географических, этнографических, религиозных, общественных, вообще культурных особенностей. Это деление имеет величайшую научную важность» [Там же. С. 51]. Типологическое сравнение этих европейских ареалов Ламанский предпринимает, опираясь на их «исторический возраст» как важный общий показатель перечисленных выше их особенностей. И, наконец, автор делает решительный шаг к утверждению некой особости славянства. Сопоставляя Россию с Древней Элладой и Древним Римом, которые объединяли значительное число разноплеменных народов, Ламанский за-

явил, что «славянство, именно в лице русского народа, представляет собой громадный крепкий кряж или ствол, а все прочие инородческие племена являются его ветвями» [1, с. 95]. Оставался вроде бы всего один шаг до провозглашения евразийских лозунгов, но их время еще не пришло.

Идейные искания и научная мысль подвели русского человека к тому рубежу, за пределами которого открывался путь революционных преобразований России, а далее – признание ее как особого мира – России-Евразии. В своем докладе на Международном съезде историков в 1933 году в Варшаве П.Н. Савицкий, один из представителей «ведущей тройки» евразийцев, прямо заявил: «Евразийство есть идейное движение, возникшее около 1921 года в среде тогдашнего младшего поколения русской интеллигенции. Оно стремится подвергнуть пересмотру основные представления относительно хода русского исторического развития. Евразийство породило значительную историческую литературу, но и встретило многочисленные возражения со стороны старшего поколения русских историков. В исторической области оно сосредоточивает свое внимание на объяснении возникновения Российской империи XVIII–XX веков и сменившего ее Союза советских республик... Евразийцы высказываются за решительное расширение тех рамок, в которых трактуются проблемы русской истории. Они считают необходимым русскую историю расширить до рамок истории Евразии как особого исторического и географического мира, простирающегося от границ Польши до Великой Китайской стены. Евразийцы уделили исключительно большое внимание определению географических особенностей этого мира – срединного мира старого материка – в их отличие от географической природы его западных (Европа) и южных (Азия) окраин» [2, с. 123–124]. Что примечательно: еще восемьдесят лет назад Савицкий утвердительно заявил, что «устанавливая связь исторических факторов с географическими (которая отнюдь не сводится, однако, к односторонней зависимости первых от вторых), евразийцы являются обоснователями в русской науке геополитического подхода к русской истории» [Там же. С. 126]. Так предельно четко и понятно Савицкий определил, во-первых, историческое время зарождения

евразийства, во-вторых, его роль по отношению к евразийской интерпретации истории России (имея в виду преимущественно работы Г.В. Вернадского), а также заявил об утверждении самостоятельного статуса евразийской геополитики как геополитики цивилизационной, а не силовой, которая была присуща немецкой и англосаксонской геополитическим школам того времени.

Несколько слов о жизненном и творческом пути ученого. Петр Николаевич Савицкий (1895–1968) в 1913 году поступил на экономическое отделение Петербургского политехнического института, где учился «весьма удовлетворительно» (т. е. на «отлично»), что позволило ему, в соответствии с «Правилами присуждения звания кандидата экономических наук и действительного студента на экономическом отделении», претендовать на «приобретение» степени кандидата экономических наук после представления диссертации на обсуждение в заседание экономического отделения. По признанию П.Б. Струве, Савицкий «обнаружил выдающиеся дарования» и был им рекомендован для работы в российской миссии в Норвегии, где он в 1916–1917 годах служил коммерческим секретарем посланника. За это время Савицкий подготовил заключение двух торгово-политических соглашений между Россией и Норвегией и собрал материал для кандидатской диссертации «Торговая политика Норвегии во время войны». 4 октября 1917 года Советом института Савицкий был утвержден в звании кандидата экономических наук [3] и оставлен при институте для подготовки к профессорскому званию по кафедре истории хозяйственного быта. После Октябрьской революции Савицкий уехал на Украину, жил в Одессе, Екатеринодаре, Полтаве, Харькове, Ростове, работал над книгой «Метафизика хозяйства и опытное его познание», опубликованной лишь в 1925 году. В годы Гражданской войны Савицкий служил в штабе главнокомандующего Русской армии в Крыму генерала Врангеля, занимался организацией помощи русским беженцам, руководил экономическим отделением Управления иностранных дел в созданном в апреле 1920 года правительстве Юга России. Савицкий покинул родину в ноябре 1920 года. Начались годы его скитания по европейским столицам, которые были насыщены творческой и организационной работой,

связанной с зарождением евразийского движения. В Софии Савицкий вошел в состав редакции возобновленного Струве журнала «Русская мысль», в котором опубликовал свою статью «Европа и Евразия» (1921. № 1–2) в виде рецензии на брошюру Н.С. Трубецкого «Европа и человечество». В этой статье Савицкий впервые наметил основные направления теоретического обоснования евразийства и ввел в научный оборот термин «Евразия» как ключевую геополитическую и историософскую категорию. Остановимся на этом «нововведении».

Савицкий заявлял об обосновании евразийства с естественно-научных и, говоря современным языком, культурологических позиций. Так, он вполне четко заявил, что «в чисто географическом смысле Россия в границах 1914 года или, вернее, в своих частях, лежащих на восток от меридиана Пулкова (берем искусственные пределы, так как естественная граница отсутствует), представляет собой своеобразный мир, отличный и от „Европы“ (как совокупности стран, лежащих к западу от Пулковского меридиана, в сторону Атлантического океана), и от „Азии“ (как совокупности низменностей Китая, Индостана и Месопотамии, горных стран, лежащих между ними, и островов, к ним прилегающих), – наиболее континентальный мир из всех географических миров того же пространственного масштаба, которые можно было бы выкроить на материках земного шара» [2, с. 152–153]. Савицкий, развивая историософскую парадигму Ламанского, различает три континента: Европу, Евразию и Азию – и именно Россию отождествляет с Евразией. Так рассуждает Савицкий-географ.

С другой стороны, евразийская культура, по мнению ученого, характеризуется ее общей интенцией противопоставления романо-германской культуре. Что же позволяет Савицкому утверждать собственно культурологический контекст евразийской идеологии? Это – признание, во-первых, некоей целостности культуры великого множества народов Евразии и, во-вторых, центральной и определяющей роли «этнографической России» в «неромано-германском мире». Вполне резонно ученый замечает, что Россию в этом стремлении поддерживают примыкающие к ней туранские, монгольские, арийские, иверские, финские народы. И даже ряд народов и стран, примыкающих к границам

России и стремящихся сохранить свою полную политическую от нее независимость, связаны, как тонко замечает Савицкий, с Россией «некоторой общностью духовного склада и отчасти расовых и этнографических свойств».

И еще одну немаловажную социокультурную характеристику России-Евразии отмечает Савицкий: «...Важнейшим фактом, характеризующим национальные условия Евразии, является факт иного конструирования отношений между российской нацией и другими нациями Евразии, чем то, которое имеет место в областях, вовлеченных в сферу европейской колониальной политики... Евразия есть область некоторой равноправности и некоторого „братания“ наций, не имеющих никаких аналогий в междунациональных соотношениях колониальных империй» [Там же. С. 157–158]. Вскоре это привело к зарождению основ евразийского учения, предвещающих появление манифеста евразийского движения («Поворот к Востоку», 1921), программного документа евразийцев («Евразийство», 1926), евразийской геополитики («Географические и геополитические основы евразийства», 1933) и др. Место их зарождения – Петроград («Пулковский меридиан»), Петроградский политехнический институт.

С самого зарождения евразийского движения П.Н. Савицкий выступил его ведущим организатором и теоретиком, обосновал базовые для евразийского учения концепции месторазвития, хозяйстводержавия, циклов экономической истории и евразийской истории, создателем евразийского варианта русской геополитики и т. д. Всего до 1940 года Савицкий опубликовал более 170 работ об экономической, политической и культурной жизни СССР, по вопросам экономической истории и экономической географии, о развитии исторической науки, философии, географии в немецких, французских, чехословацких, польских изданиях. Часть своих работ он публиковал под псевдонимами П.В. Логовиков, С. Лубенский, П. Востоков. В Праге в 1927 году Савицкий издал книги «Геополитические особенности России» (Ч. 1. «Растительность и почвы») и «Россия – особый географический мир». Статья «Геополитические заметки по русской истории» была опубликована в том же году в качестве приложения к работе Г.В. Вернадского «Начертание русской истории». В 1932 году в Берли-

не вышла книга Савицкого «Месторазвитие русской промышленности» (Вып. 1. «Вопросы индустриализации»). В том же году в Праге при авторском участии Савицкого опубликована работа «Евразийство: декларация, формулировка, тезисы», одно из положений которой звучит следующим образом: «Сейчас настал момент, когда историческая диалектика совершает важнейший свой шаг от капитализма, как тезиса, и коммунизма, как антитезиса, к евразийству, как синтезу. Логика европейской истории стоит у своего заключения. Возможности ее исчерпаны, идейные богатства истощены. Сказаны последние слова ее общественной мудрости: капитализм – коммунизм. Мудрость эта уже иссякает не в слове, не в теории, но в евразийской действительности. Родится новая, евразийская правда, одинаково отличная и от тезиса, и от антитезиса – и от капитализма, и от коммунизма» [4, с. 28]. На упомянутом выше Международном конгрессе историков в Варшаве в 1933 году Савицкий выступил с докладом «Евразийская концепция русской истории». В 1938–1939 годах он работал над книгой «Основы геополитики России», в которой доказывал, что многое в истории, культуре и экономике России определено взаимодействием между своеобразными «историческими формациями» – степной и лесной зонами. «Важнейшей осью, около которой вращалась историческая жизнь „русского мира“ или, иначе, географической среды, занятой в настоящее время русским народом и государством, – так начинает свою работу автор, – на всем протяжении обозримой для нас истории являлась граница между степной и лесной зонами» [5]. Однако эта книга осталась незаконченной, о чем с сожалением автор писал в 1944 году. Последующие тридцать лет Савицкий не мог посвятить систематическим научным изысканиям, поскольку в 1940–1944 годах работал директором русской гимназии в Праге, с 1945 по 1956 год находился в заключении по обвинению в антисоветской деятельности, а после возвращения в Прагу занимался переводами, поскольку не был допущен к педагогической деятельности.

В отличие от Г.В. Вернадского, который заложил основы исторической концепции евразийства, Савицкий актуализировал евразийство в экономико-географическом, социокультурном и геополитическом аспектах. Революция

в России, как утверждал Савицкий, не меняет направления исторического процесса: Евразия остается «месторазвитием» особой цивилизации, происходит лишь видоизменение многовековой традиции, ее «мутация». Евразийское понимание планового хозяйства, по его мнению, еще радикальнее, чем у большевиков, но истинное евразийство заключается в замене примата политики приматом культуры. Примером тому могут служить слова Савицкого из статьи «Географические и геополитические основы евразийства», которую он опубликовал в 1933 году в немецком журнале «Orient und Occident»: «Над Евразией веет дух своеобразного „братства народов“, имеющий свои корни в вековых соприкосновениях и культурных слияниях народов различнейших рас – от германской (крымские готы) и славянской до тунгусско-маньчжурской, через звенья финских, турецких, монгольских народов. Это „братство народов“ выражается в том, что здесь нет противоположения „высших“ и „низших“ рас, что взаимные притяжения здесь сильнее, чем отталкивания, что здесь легко просыпается „воля к общему делу“. История Евразии, от первых своих глав до последних, есть сплошное тому доказательство. Эти традиции и восприняла Россия в своем основном историческом деле... Только преодолением нарочитого „западничества“ открывается путь к настоящему братству евразийских народов: славянских, финских, турецких, монгольских и прочих» [2, с. 302].

В настоящее время евразийство рассматривается как идеология и новая парадигма возрождения России, как пример для утверждения междивизицизионных отношений в глобальном мировом сообществе. Л.Н. Гумилев в одном из своих последних интервью сказал пророческие слова: «Если России суждено возродиться, то только через евразийство». Как же происходил непосредственный творческий контакт между одним из основателей евразийства Савицким и «последним евразийцем» Гумилевым, как формировалась новая творческая лаборатория, получившая поддержку мэтра? Найти ответы на эти вопросы нам поможет обращение к эпистолярному наследию. Размышляя над письмами Савицкого Гумилеву, хотелось бы отметить, что эпистолярный жанр отличается от теоретического дискурса, пожалуй, тем, что научные идеи находят в нем свое выражение в первозданном

виде — они находятся еще в своеобразном броуновском движении, сцепляются между собой в некоторые мыслительные конструкции. Любая теоретическая работа, напротив, представляет собой некий целостный комплекс посылок, суждений, умозаключений, задающий новое освещение, решение проблемы. Именно такие ощущения появляются после прочтения писем Савицкого Гумилеву, относящихся к периоду 1956–1968 годов. Удивление и восхищение вызывает то, что Петр Николаевич, один из основателей евразийского движения, в своих письмах Льву Николаевичу вновь окунается в море гипотез, реминисценций и теоретических построений, которые, безусловно, фундируются энциклопедическими познаниями в области истории, географии, этнографии, кочевниковедения.

Остановимся фрагментарно лишь на некоторых высказываниях Савицкого, которые достаточно четко характеризуют методологические основания евразийского учения, раскрывающего содержание геополитической истории России и кочевниковедения. Так, в первом же письме (от 26 ноября 1956 года) Савицкий отмечает: «...по разным причинам я в течение 15 лет (1941–1956) был лишен возможности писать и печатать научные работы. Тогда я стал излагать мои мысли в стихах и запоминать стихи наизусть. Это был единственный в условиях тех лет способ стать независимым от записи и бумаги. За 15 лет я написал более тысячи (!) стихотворений. Были моменты, когда я помнил наизусть тысячи и тысячи стихов своей собственной продукции» [6, с. 88]. Тематика переписки была достаточно разнообразной. Ученые обсуждали проблемы кочевниковедения и истории России, географического детерминизма и ритмов истории Евразии и т. п. На протяжении всей своей жизни ученые занимались историей Великой степи и ставили перед собой, независимо друг от друга, схожие задачи: это в первую очередь необходимость развития кочевниковедения и важность этой темы для истории России, а также своеобразная «реабилитация» кочевников.

К 1956 году Савицкий являлся уже признанным ученым, написавшим основную часть своих работ, в то время как Гумилев только начинал завоевывать свое место в исторической науке. Так стали складываться отношения состоявшегося крупного ученого, вернувшегося

после перерыва в 15 лет к науке, с начинающим (если судить по опубликованным работам) исследователем, который лишь в 44 года начнет разрабатывать свои основные идеи и публиковать фундаментальные работы. Савицкий весьма точно характеризует методологическую общность их исследований. Так, в письме от 10 февраля 1964 года он пишет Гумилеву следующее: «...Вы достигли вершины, акме научного творчества, его подлинного цветущего состояния. Без перенажима на свои силы (что было бы губительно) — используйте всю это священное состояние духа, это стояние в зените Вашего знания и Вашей творческой мысли. И да продлится как можно дольше и пусть даст как можно больше эта великая кульминация Ваших творческих сил!.. Цель... нашей научной работы (извините, что так говорю сразу за нескольких) в одном из ее поворотов — это создание или построение „картины-системы“. Под этим понятием я подразумеваю объединение многого, иногда бесконечно многого — в одном, но емком, собрание разбросанного воедино, точнейшее определение (по Вашему слову) „что к чему“. Начертание „картины-системы“ исследуемых явлений было методом целого ряда моих как исторических, так и географических и даже философских работ. Мне кажется, что понятие „картины-системы“ — или, говоря по-иному, структуральный подход к проблемам... — мне кажется, что понятие это родственно и Вашему методу» [7, с. 101, 102].

Из этих слов Савицкого следует сделать вывод о том, что именно методологическая общность определяла преемственность в евразийском учении в течение всего XX века. Во многих его высказываниях на протяжении всей переписки звучит даже гордость за то, что евразийское учение, зародившееся в творческой лаборатории русского зарубежья, нашло своего достойного продолжателя в отечественной науке. Эта мысль подтверждается и теми суждениями Савицкого, которые касаются собственно русской истории. В письме от 27 декабря 1958 года он писал Гумилеву: «Сегодня снова хочу побеседовать с Вами... В лоне Монгольской державы сложилась *новая Русь*. Едва ли не этим определилась и определяется вся дальнейшая судьба человечества... Тут не нужно бояться сложности картины и относительно малой длительности „подъемов“ и „прогибов“.

Нужно давать бывшее *во всей детальности*, как Вы это и делаете. „Причины” прогиба *всегда*, в определенном смысле, лежат в *предшествовавшем подъеме*. Это *общая закономерность* всей „досоциалистической” истории человечества, важная черта ее ритмики. Это Ваше наблюдение (абсолютно правильное) должно *вдохновлять*, а не смущать историка. Оно открывает ему *тайны прошлого*, структуру времени, если можно так выразиться... *В политико-географическом* отношении (следует отметить, что на протяжении всей переписки и конкретно в данном случае Савицкий не пользуется, по вполне понятным причинам, геополитической терминологией, даже когда он упоминает свои сугубо геополитические работы 1920–1930-х годов. — И. К.) и Римская империя, и даже халифат — мелюзга, по сравнению с державой Чингисхана и его наследников... *Объективно* кочевой мир — столь же великий и самостоятельный мир, как и миры греко-римский и мусульманский. В этом, мне кажется, *вдохновляющая и возвышающая* сторона великой Вашей работы» [8, с. 140–141].

Эту мысль Савицкий продолжает развивать в письмах от 5 июня и от 3 декабря 1959 года. В первом из них, высказывая ряд критических замечаний по поводу интерпретации Гумилевым соотношения Леванта и Евразии («Иран, Туран и Россия — это в значительной мере Ваши Левант и Евразия»), Савицкий отмечает: «Я рад, что Вы упомянули Чингисхана. Я продолжаю считать его крупнейшей (в политическом смысле) фигурой всей „доленинской” истории Евразии — великого и сурового отца нашего Чингисхана. Только Ленин превзошел его размахом и силой установки». А во втором письме Савицкий как бы подводит итог своим рассуждениям: «Древние кочевники — великий пример для нас, как нужно *сражаться и побеждать*

дать (хотя бы и в бою — *один против ста*), как нужно стоять за свое, отстаивать свой быт, свой уклад жизни, свою самобытность. Задача нашей эпохи — во всех областях и по каждому признаку *сломать под самый корень рог западной гордыни*. Этому делу может и должно служить и русское кочевниковеденье (при сохранении *полной объективности* в изучении кочевников)» [Там же. С. 155]. Приведенные выше мысли Савицкого, надо полагать, придавали силу и уверенность Гумилеву неумолимо следовать научной истине в утверждении евразийского учения, «невзирая на лица и ранги» своих оппонентов.

На протяжении XX века евразийство выступало «идеей-силой» глобального русского проекта как единая духовная настроенность общественного и индивидуального сознания, нацеленная на сохранение жизненного геополитического пространства России-Евразии. Отсюда урок для Большой России (в пределах всего постсоветского пространства) может быть представлен как установка на сохранение своего самостоятельного пути в мировой истории — не склоняясь ни в сторону Запада, ни в сторону Востока. Сама по себе полицентричность, многополюсность мира неизбежно предполагает сохранение государств — ядер этих полюсов, объединяющих геочивилизации. В Евразии одним из таких центров начинает выступать Евразийский союз, следуя принципу: органическая целостность устойчивее и сильнее образующих ее элементов. В связи с этим следует рассматривать вопрос о необходимости восстановления статуса сверхдержавы России в составе зарождающегося Евразийского союза как одного из центров силы в обретающем свои контуры полицентричном мире и, более того, разрабатывать геополитический проект обретения статуса великодержавности самим Евразийским союзом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Ламанский, В.И.** Геополитика панславизма [Текст] / В.И. Ламанский; сост., предисл., коммент. Ю.В. Климаков; отв. ред. О.А. Платонов. — М.: Изд-во Ин-та рус. цивилизации, 2010.
2. **Савицкий, П.Н.** Континент Евразия [Текст] / П.Н. Савицкий. — М.: Аграф, 1997.
3. **ЦГА** Санкт-Петербурга. Ф. 478. Оп. 1. Д. 1837. Л. 53, 60, 65, 73, 74.

4. **Евразийство:** декларация, формулировка, тезисы [Текст]. — Прага, 1932.
5. **ГАРФ.** Архив П.Н. Савицкого. 5783.
6. **Письма** П.Н. Савицкого Л.Н. Гумилеву [Текст] // Геополитика и безопасность. — 2008. — № 4.
7. **Письма** П.Н. Савицкого Л.Н. Гумилеву [Текст] // Там же. — 2010. — № 1 (9).
8. **Письма** П.Н. Савицкого Л.Н. Гумилеву [Текст] // Там же. — 2009. — № 2–3 (6–7).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / AUTHOR

КЕФЕЛИ Игорь Федорович — доктор философских наук, профессор, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, заведующий кафедрой глобалистики и геополитики Балтийского государственного технического университета «ВОЕНМЕХ» им. Д.Ф. Устинова, ведущий научный сотрудник Санкт-Петербургского государственного политехнического университета, вице-президент Академии геополитических проблем, главный редактор журнала «Геополитика и безопасность».

191251, Санкт-Петербург, ул. Политехническая, 29
тел. (812) 251-17-20
geokefeli@mail.ru

KEFELI Igor F. — *St. Petersburg State Polytechnical University.*
195251, Politekhnicheskaya Str. 29, St. Petersburg, Russia
geokefeli@mail.ru

© Санкт-Петербургский государственный
политехнический университет, 2013